

6. *Dreiser-1, T. An American Tragedy/ T. Dreiser.* – Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1951. – Vol. 1.
7. *Dreiser-2, T. An American Tragedy / T. Dreiser.* – M.: Foreign Languages Publishing House, 1951. – Vol. 2.
8. *Dreiser-3, T. Jennie Gerhardt/ T. Dreiser.* – M.: Мелнеджер, 2005.
9. *Grisham, J. The Street Lawyer/ J. Grisham.* – N.Y.: Island Books, 2002.
10. *Herring, L.T. Morning Song /L.T. Herring.* – Zondervan Publishing House, Michigan, 1984.
11. *Joyce, J. Dubliners/A Portrait of the Artist as a Young Man/J. Joyce.* – M.: Progress Publishers, 1982.
12. *Sheldon, S. Tell Me Your Dreams/ S. Sheldon.* – Warner Books, N.Y., 1995.
13. *Steel-1, D. Loving/ D.Steel.* – London: Sphere Books Ltd., 1981.
14. *Steel-2, D. Malice/ D.Steel.* – N.Y.: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1996.
15. *Steel-3, D. Going Home/ D. Steel.* – London: Sphere Books Ltd., 1981.
16. *Steel-4, D. Lone Eagle/ D. Steel.* – A Gorgi Book, Sydney, Australia, 2002.
17. *Wilde, O. The Importance of Being Earnest/ O.Wilde.* – M.: АРКТИ, 2000.

УДК 809.438.6

ББК ТЗ(0)413.4+Ш164

А.С. Шабалов

ЯЗЫК ХУННУ – РАЗНОВИДНОСТЬ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Написание данной статьи продиктовано современной практикой монголоведения и необходимостью интерпретировать слова из остатка языка хунну. В статье с критических позиций рассматриваются переводы тюркологов, в частности В.С. Таскина, В.А. Панова и Л.Н. Гумилева. Семь слов из остатка языка хунну переведены на русский язык впервые и как монголоязычные.

Ключевые слова: перевод; текст; язык хунну; рысак; копытное; э-ши=эзы; тоба (табгачи); князь; роды – хуяны; суйбу; лань

A.S. Shabalov

THE HUNNS LANGUAGE AS A VARIETY OF MONGOLIAN

The motive for this article has been generated by the current research practice in the Mongolian language as well as by the necessity to interpret the words from the relics of the Hunns language. A critical analysis of the translation by specialists in Turkic philology, in particular V.S. Taskin, V.A. Panov and L.N. Gumilyov has been suggested. Seven words from the relic of the Hunns language has been translated into Russian and Mongolian languages for the first time.

Key words: translation; text; the Hunns language; trotter; hoofed; a-shi=azy; toba (tobgachi) prince; childbirth – huyan; suibu; fallow-deer

Хунну – народ, живший во второй половине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. на просторах Центральной Азии. Многие народы алтайской языковой семьи считают их своими предками. О языке хунну известно очень мало. Большая часть сведений об этом воинственном народе содержится в Китайских хрониках. В них встречаются и некоторые слова, использовавшиеся хунну. Их анализ позволит более аргументировано судить о языке этого народа.

Знаменитый китайский историк Сыма Цянь (около 145-86 до н.э.), его еще называют отцом китайской истории, произведение которого с китайского языка на русский перевел, в XIX в., Н.Я. Бичурин, описывая жизнь хунну, сообщает: «Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород» [Бичурин, т.1, 1950, с. 39-40].

Сыма Цянь, естественно, записывал Шицзы китайскими иероглифами по-китайски, но в части вышеприведенной цитаты, он употребил хуннские слова. Это названия домашних животных, которых содержали хунну.

В.С. Таскин перевел эти названия домашних животных как тюркские: *katir*=*камур*=*лошак*, *ty/r/ti*=*my/p/mu*=низкорослая дикая лошадь, *tän*=*тан*=*дикая лошадь*. Впоследствии с предложенной В.С. Таскиным интерпретацией названий домашних животных соглашается Л.А. Викторова, повторяя в своей работе «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры» [Викторова, 1980, с. 121]. Л.А. Викторова, зная монгольский язык, должна была бы отнестись к переводу В.С. Таскина критически, но она удовлетворилась тем, что написал ее авторитетный коллега.

В.С. Таскина, видимо, ввело в заблуждение слова *камур*, действительно, по-тюркски (по-киргизски) означает *лошак*, мясо которого в пищу не употребляется ни монголами, ни тюрками.

В зарубежной тюркологии Д. Пуллиблэнк переводит *katir*, как *цзюэ-ти*, а *ty/r/ti* и *tän* соответственно *тао-ту* и *то-си*, и он пишет: «В начале главы о сюнну в «Ши цзи» есть следующее место: Домашний скот, который они держат в больших количествах, – это лошади, крупный рогатый скот и овцы. Их необычный домашний скот – это верблюды, ослы и мулы, цзюэ-ти, тао-ту и то-си [Пуллиблэнк, 1986]. Последние три слова явно не китайские.

В словаре «Шо вэнь» говорится (буквально), что *цзюэ-ти* – это потомство от жеребца и мула. Поскольку получить потомство от этих животных, безусловно, невозможно, текст должен был бы быть исправлен на «мул, который является потомством жеребца и ослицы», т.е. «лошак». Это определение расходится с комментарием Сюй Гуана, цитируемым в «Ши цзи цзи цзе», который гласит, что *цзюэ-ти* – это лошади лучшей породы северных варваров. Лошак же в действительности – худшая разновидность. Эгами Намио собрал ряд других текстов, где употребляется *цзюэ-ти*, и показал, что они имеют смысл только в трактовке Сюй Гуана. Он полагал, что на самом деле «*цзюэ-ти* – это крупная западная лошадь в отличие от обыкновенного монгольского типа лошади, который был нормой и для Китая, и для Монголии» [Там же. С. 36-37].

Английский востоковед Д. Пуллиблэнк, раскритиковав автора словаря «Шо вэнь» и встав на позицию Сюй Гуана, считает, что «*цзюэ-ти* – это лошади лучшей породы северных варваров» [Там же]. На наш взгляд, крупная западная лошадь при отсутствии стойлового содержания в условиях Монголии долго прожить не сможет. Она не приспособлена к тебеневке и круглогодичному содержанию на улице. *Цзюэ-ти*=*katir*=*хамурч*=*рысистый, рысак* [Лувсандэндэв, 1957, с. 520] в переводе с монгольского языка. Рысистые лошади у монголоязычных народов, причем не только у них, считались особо ценной породой. Мулом или лошаком *цзюэ-ти* – *katir* не может быть, они в перечне Сыма Цяня упоминаются и в данном случае тавтология исключена.

Д. Пуллиблэнк собрал три отрывка из древнекитайских источников, иллюстрирующие, что под *цзюэ-ти* – *катиром* древние китайцы подразумевали лошадей очень хорошей породы. Вот, что пишет Д. Пуллиблэнк: «Отрывок, прекрасно иллюстрирующий то, что под цзюэ-ти подразумевались высоко ценившиеся лошади очень хорошей породы, и между прочим, показывающий, что она была известна в Китае еще до объединения его династией Цинь в 221 г. до н.э., находится в докладе Ли Сы князю царства Цинь, включенном в «Ши цзи». Ли Сы, родом из царства Чу, защищаясь от чиновников царства Цинь, которые хотели изгнать всех иностранных советников («гостей»), находившихся при циньском дворе, для примера указывает на многие ценности, которые царство Цинь получало из-за границы. Он говорит: «Если бы предметы должны были производиться в Цинь прежде, чем их разрешат ... женщины из царств Чжэн и Вэй не наполняли бы ваш внутренний дворец, а прекрасные цзюэ-ти не стояли бы в ваших стойлах». В других текстах из «Ши цзи», цитируемых в «Тайпин юйлань» и «Хуайнань цзы», о цзюэ-ти говорится как о лучших лошадях для экипажа. В биографии Цзоу Яна в «Ши цзи» в другом отрывке, который, по видимому, указывает, что эти животные были известны в позднечжоуское время, говорится, что князь царства Янь угощал Су Циня блюдом, приготовленным из цзюэ-ти, причем подразумевалось, что это было проявлением особой милости» [Пуллиблэнк, 1986, с. 37].

Таким образом, мы имеем дело с *Цзюэ-ми=katir=хатирч=рысак, рысистый* [Лувсандэндэв, 1957, с. 520], лошадей, бегающий аллюром, а не с лошаком и не с крупной западной лошадей, которая в условиях Монголии быстро вырождается и объектом разведения являться не может. До настоящего времени *рысак=хатирч* ценятся у монголоязычных народов, отличающиеся быстрым ходом и статью.

Также В.С. Таскин ошибается, когда он пишет: *ту/р/ми* – низкорослая *дикая* лошадь, а *тан* – *дикая* лошадь, тогда как у Сыма Цяня речь идет о *домашнем скоте*. Разводить диких животных в домашних условиях невозможно, иначе животные потеряли бы статус диких. *Ту/р/ти=ту/р/ми=туруут (туурайт) = «копытный»* [Лувсандэндэв, 1957, с. 424] по-монгольски. Монголоязычные народы до этого времени употребляют это слово в отношении домашнего скота. В тюркских языках слова *ту/р/ми* значения не имеет, по-хакасски *копытное=туйгахтыглар* [Чанков, 1961, с. 329], отдалено напоминает *Ту/р/ти=туруут*.

Слово «тан» – в монгольских и тюркских языках значения не имеет, во всяком случае я не нахожу для него объяснения. Слово «тан» лишь отдалено напоминает монгольское слово «*тэмээн*» = «*верблюды*» [Лувсандэндэв, 1957, с. 439], по-тюркски (по-киргизски) – *верблюды=түе*, однокоренное слово с «*тэмээн*», еще более далекое слово от «тан». Вероятно, это монголоязычное слово «*тэмээн*».

Еще одно слово, имеющее хуннское происхождение, встречается в «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее времена» – «Яньчжы»: «Шаньюй имел наследника, по имени Модэ; после от любимой Яньчжы родился ему меньшей сын» [Бичурин, т.1, 1950, с. 46]. По тексту видно, что «Яньчжы» – жена шаньюя – правителя хуннского Туманя, родившего ему сына.

Слово «Яньчжы» = *jeh-chi=abetschi, ipttschi, evci*, в 1902 г. К. Сиратори объяснил как тюркское = «жена» [Shiratori, 1902, с. 1-33]. Затем в 1916 г. В.А. Панов попытался исследовать слово «яньчжы» = *янь-ши=э-ши* также с позиций тюркского происхождения хунну [Панов, 1916, с. 20-28]. В.А. Панов долго и подробно доказывает, почему слово «яньчжы» надо произносить «э-ши» и э-ши будет корректнее и правильнее. Правоту В.А. Панова впо-

следствии подтвердил Д. Пуллиблэнк, также писавший «э-ши» [Пуллиблэнк, 1986, с. 58]. В краткой исторической справке В.А. Панов пишет, что младший брат Мао-дуня (Мо-дэ), основателя империи Сянь-ну, был рожден в конце III ст. до Р.Х. от «любимой Янь-чжи» отца [Панов, 1916]. В другом месте сказано, что хан владения Дун-ху потребовал от Мао-дуня «одну из его Янь-чжи» ... В 198 г. до Р.Х. дочь одного из китайских князей была отправлена к Мао-дуню «в янь-чжи» [Там же. С. 24]. Речь идет о супруге шаньюя, а не о тете, старшей сестре или матери.

Далее В.А. Панов переходит к определению слова и пишет: «В современных тюркских наречиях мы имеем: “ача” (туркмен.) = женщина, супруга: “аш” (куман) = “жена”; “енджи” (саг.койб) = “замужняя женщина, жена, хозяйка”; “апчи” (лебед.) = “женщина, хозяйка”, “апци” (коман) = супруга» [Там же]. Слова перечисленные В.А. Пановым имеют лишь приблизительное сходство с «яньчжи – эши».

В.А. Панов пишет, что во всех монгольских диалектах понятие «дом, юрта» выражается словами «гэр», «гер», «кгер» (у калмык.). Отсюда «жена», «хозяйка» = «гэргэн», «гэргэи», «кгеркген» (у калмык.). Затем «женщина» (жена, хозяйка) = «еме», «эмэ», «ізэ», «эзэ», «эхэнэр», «эхнэр», «хамаган».

Словом «хатун» («хатан», «катун») обозначается «жена знатного человека, супруга хана, князя», «государыня» [Там же. С. 26]. В перечне монгольских слов, обозначающих женщину, В.А. Панов пропустил слово «эзы», имеющее наряду с «ізэ» или «эзэ» сходство с «яньчжы-эши» и приходит к неожиданному выводу, противоречащему логике и здравому смыслу. Он пишет: «Отсюда видно, что древнее слово сянь-ну, скрывающееся под китайской транскрипцией «янь-ши» или «э-ши», к монгольскому лексикону относиться не может» [Там же].

В.А. Панов находился под большим влиянием Орхонских надписей VIII в. н.э. и пишет: «... причем народ этот как свидетельствует язык надписей, был несомненно турецкого, а не монгольского происхождения, как полагал ранее Іак. Бичурин» [Там же].

В.А. Панов, не задумываясь, экстраполирует Орхонские надписи VIII в. н.э. на времена автора «Ши-цзи» Сыма Цяня, описавшего события, где фигурирует слово «яньчжи-

эши» – на III в. до н.э. Он считал, что хуннский язык, без изменения перешел к «ту-гю-тюнкам», народу появившемуся на исторической арене VI в. н.э.

Еще одна досадная ошибка В.А. Панова заключается в том, что он проигнорировал очевидные исторические факты. После хунну гегемонами на территории Центральной Азии побывали сяньби во II-IV в., жуань-жуани (авары) в IV-VI в., тоба (табгачи) в IV-VI в. Монголоязычность этих народов доказана и не вызывает сомнений у исследователей [Лигети, 1969, с.107-111].

В.Н. Васильев по поводу подобного рода экстраполяций писал: «Что Тукюесцы или Турки, основатели одного из величайших царств, сами сначала могли не говорить тем языком, который мы называем турецким, – это также возможно, как верно то, что Татары-Монголы говорили не тем языком, который мы называем татарским» [Васильев, 1872, с. 118].

В.А. Панов – один из первых востоковедов – считал монголоязычность явлением изолированным и замкнутым и ставшим известным в истории только благодаря Чингис-хану. Вопреки здравому смыслу. Впоследствии эту теорию поддержали Клаусон [Clauson, 1961], Рона-Таш [Rona-Tas, 1998] и др. Стать на их позицию, значит думать, что монголоязычие появилось около XIII в., многие вопросы истории – этническую принадлежность таких народов, как кидани, кумохи, жуань-жуани (авары), ухуани (увани), сяньби, дунху и других оставлять без ответа или вопреки историческим фактам называть их тюрками.

Вот, что пишет В.А. Панов: «С другой же стороны (монголы показываются в истории *на несколько столетий позже*, а язык их становится известным (распространенным) *лишь около эпохи Чингис-хана*). По этим соображениям, монгольское «хатун» нужно считать заимствованным из более древнего турецкого «катун», а не наоборот. Таким образом, как китайская транскрипция «янь-ши» (э-ши), так и транскрипция «кэ-хэ-дунь» («катун»), параллельная между собой и в общем значении «жена», и в смысле титула «ханша», должны быть признаны одинаково передающими *не монгольские слова, а тюркские*» [Панов, 1916, с. 26].

Слово «янь-ши = э-ши», безусловно, монголоязычное, объясняется словом «эзы» = же-

на, супруга, хозяйка [Черемисов, 1973, с. 180-181]. Из тюркских языков наибольшее сходство имеет с «янь-ши=э-ши» в хакасском языке, не содержащем фарсизмов, арабизмов и финнизмов. По-хакасски *жена=«ипчизи»* [Чанков, 1961, с. 211], по-киргизски *жена = «аял, катын»* [Юдахин, 1940]. Киргизское слово «аял» более сходен с переведенными В.А. Пановым выражения из тюркских наречий «ача», «аш» и т.д., и мало похож на хуннское «янь-чжи=эши».

Дополнительные сведения о языке хунну мы можем почеркнуть при анализе чинов, использовавшихся в их обществе. В «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» перечислены наследственные государственные чины, вероятно, установленные шаньюем Модэ, правившим империей хунну с 209 г. до н.э. по 174 г. до н.э.

У Н.Я. Бичурина читаем: «Установлены были: 1) Восточный и Западный *Чжуки* – князь; 2) Восточный и Западный *Лули* – князь; 3) Восточный и Западный великий предводитель (в сноске указано «*Да-гян*»); 4) Восточный и Западный великий *Дуюй*; 5) Восточный и Западный великий *Дан-ху*; 6) Восточный и Западный *Гуду-хэу*» [Бичурин, т.1, 1950, с. 48].

Анализируя перечисленные титулы, Н.Я. Бичурин, пишет: «У хуннов мудрый называется *Чжуки*; почему наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки – князем» [Там же. С. 49], т.е. Чжуки – мудрый и поэтому наследник престола, и всегда Восточный. А как быть с Западным Чжуки? Он мудрый, но не наследник престола. Буквальный или смысловой перевод сделан Н.Я. Бичуриным слово *Чжуки*? Я думаю, Н.Я. Бичурин по смыслу назвал чжуки мудрым, потому что по-тюркски (по-киргизски) *мудрый = bilgictik = билгил* [Юдахин, 1940, с. 87], *акылдуу, эстүү*. От слова мудрость = *bulgictik*. По-хакасски «*мудрый*» = «*күлүг, хыйга*» [Чанков, 1961, с. 382], слова далекие по произношению от чжуки. По-монгольски «билиг» – «талант, разум, способность» [Лувсандэндэв, 1950, с. 69]. Мудрый – по-монгольски «*мэргэн, цэ-цэн*» [Там же. С. 253, 623].

Слово «чжуки» легко, без напряжения читается как монголоязычное «*зүг*» = «*сторона, направление*» [Там же. С. 208]. Н.Я. Бичу-

рина можно прочесть с учетом «чжуки=зүг», как князя – Востока и Запада, т.е. князя, руководившие Восточной и Западной *сторонами*, и командовавшие войсками восточного и западного *направлений*, занимавшие территорию «против Шан-гу и далее на восток до Су-мо и Гао-сянь» и Запада, занимавшие территорию «против Шан-гюнь и далее на запад до Юечжы, Ди и Кянов» [Бичурин, т.1, 1950, с. 49]. Не нужно строить никакую сложную филологическую конструкцию, чтобы доказать идентичность «чжуки=зүг», она очевидна и по произношению, и по отражению объекта, о котором идет речь, с учетом китайского звучания «чж» на «з», «у» на «ү» и «ки» на «г». По-хакасски «сторона» – сари, хыри, чир [Чанков, 1961, с. 832], «направление» – ысханы, сари, тарта, алдыра [Там же. С. 411]. По-киргизски «сторона» – жак, туш, «направление» – багыт. Лишь слово «жак» можно сблизить с «чжуки=зүг», но оно не означает направление, только употребляется в значении «сторона». В значении направление употребляется слово «багыт».

Следующим в иерархии должностных лиц Н.Я. Бичурин называет: «Восточный и Западный *Лули-князь*» [Бичурин, т.1, 1950, с. 48]. *Лули* на тюркских языках значения не имеет. У монголоязычных народов «*Лули*» произносится как «*луун*», что означает «*дракон*». «*Лули=луун=дракон*». С незначительным изменением слово *лули*, в окончании «н», китайский летописец употребил «ли», бытует у монголоязычных народов до сего времени. Например, существует для обозначения иерархической ступени борцов-спортсменов, монгольского национального стиля.

Третьим в списке наследственных государственных чинов значится «Восточный и Западный великий предводитель» – «*Да-гян*» [Там же. С. 48]. Хотя Н.Я. Бичурин пишет, что «*Да-гян*» китайский титул, я думаю, что это слово хуннское, так как маловероятно, чтобы наследственный государственный чин обозначался на инородном языке. «*Да-гян*» монголоязычное слово = «даган» = «вести за собой, следовать» [Черемисов, 1973, с.180-181]. Функции «да-гяна» видимо входило как вести за собой народ, так и следовать за чжуки и лули. Он располагался в середине иерархической лестницы наследственных государственных чинов. Даган монголоязычное слово, ко-

торое на тюркских языках значения не имеет. По-хакасски «вести» = «апарарга, чоргізерге» [Чанков, 1961, с. 88], «следовать» = парарга, поларга [Там же. С. 792].

Четвертым в списке наследственных государственных чинов значится «Восточный и Западный великий *Дуюй*» [Бичурин, т.1, 1950, с. 48]. Слово «*дуюй*» монголоязычное, означает «дүү» = «младший» [Лувсандэндэв, 1957, с. 164]. Дуюй был младше по должности чжуки = зүүг, лули= лууна и да-гяна=дагана.

Пятым в списке наследственных государственных чинов значится «Восточный и Западный великий *Данху*» [Бичурин, т.1, 1950, с. 48]. Слово «данху» монголоязычное, имеет общее происхождение со словом «данса = счетовод» [Черемисов, 1973, с. 186]. В должностные обязанности данху, видимо, входило вести учет как войска (населения), так и скота. «Данху» = «данса» – «счетовод», скорее всего, это больше подходит по смыслу к трактовке этого чина, чем «данхар» = «рослый, верзила» [Там же. С. 186]. Слово «данху» почти буква в букву совпадает с «данха». В последние годы это слово почти не употребляется, оно заменено русским словом счетовод.

Правда, в тюркских языках (киргизский вариант) имеется слово «данк»= «слава», но «данса» – счетовод, имеет больший смысл, лучше для объяснения чины данху, чем «данк». Киргизы никогда не обозначали словом «данк» должность, которую занимал человек.

Шестым в списке наследственных государственных чинов значится «Восточный и Западный Гуду-хэу» [Бичурин, т.1, 1950, с. 48]. В.В. Радлов, я думаю, ошибался, когда перевел слово «гудулу» как «счастливый», «гуду» = «кут» = «счастье» как тюркское слово [Радлов, 1890, с. 2]. Во-первых, слово «кут» на тюркских языках никогда не обозначал счастье. Обратимся к наименее разбавленным разного рода фарсизмами, арабизмами и финнизмами, по сравнению с другими тюркскими языками, – хакасскому и киргизскому языкам. По-хакасски «счастье» = «улу, талаан, ырыс, часка», «счастливый» = «улустиг, часкалым, ырыстыг» [Чанков, 1961, с. 840]. По-киргизски «счастье» = «бахыт», «счастливый» = «бахтылуу». Кут, по-тюркски, означает благополучие, по-уйгурски, употребляется в том же значении. «Гуду» вряд ли мог

означать «счастливый». Если «гуду» счастливый, то более счастливыми должны быть чжуки, лули, да-гяны, дуюй и данху, занимавшие более высокое положение, чем гуду-хэу. Но они не обозначались знаком счастья, как «гуду-хэу». Гуду-хэу – низшая должность в реестре наследственных государственных чинов. «Гуду-хэу» = монголоязычное слово, родственное «хөтлөх» = «вести, править, предводитель» [Лувсандэндэв, 1957, с. 556], а «хэу» = «простой» [Там же. С. 594]. Употреблялся «гуду-хэу» в значении «простой предводитель», т.е. наиболее приближенный к народу Н.Я. Бичурин пишет: «Гуду суть вельможи не из Шаньюева рода» [Бичурин, т.1, 1950, с. 48]. Гуду-хэу, вероятно, были выдвинуты из среды рядовых хунну и как пишет Н.Я. Бичурин: «Восточный и Западный Чжуки – князья, Восточный и Западный Лули – князья считались самыми сильными владетелями. Восточный и Западный Гуду-хэу были их помощниками в управлении» [Бичурин, т.1, 1950, с. 49]. Гуду-хэу были всего лишь помощниками Чжуки и Лули, ни о каком эпитете «счастливый» речь идти не может в обозначении помощников, выполнявших элементарные управленческие функции.

Следующее слово, которое, встречается у Н.Я. Бичурина – «Цзюйкюй». Он указывает: «Низшие князья поставляют у себя Ду-юй, Данху и **Цзюйкюев**» [Бичурин, т.1, 1950, с. 49]. Слова «Ду-юй = дүү = младший» и «Данхуу = данса = счетовод» были исследованы выше. Слово **Цзюйкюй**, вероятно, монголоязычное и имеет общее происхождение с **цэргийн** = **воинский, армейский** от **цэрэг** = **воин, армия, войска** [Лувсандэндэв, 1957, с. 622].

Помимо наименования чинов, важную информацию о языке хунну могут дать и названия влиятельных родов этого народа.

У Н.Я. Бичурина читаем: «Хуянь, Лань и впоследствии Сюйбу суть три знаменитые дома» [Бичурин, т.1, 1950, с. 49]. А.Н. Бернштам и Л.Н. Гумилев считают, что это были хуннские роды [Бернштам, 1951; Гумилев, 2004].

Л.Н. Гумилев пишет: «Знатных родов у хуннов в эпоху Модэ было три: Хуянь, Лань и Сюйбу. Хуянь – тюркское слово, означает «заяц»; сюйбу также тюркское слово – «край»; лань – слово китайское и значит «орхидея» – национальный цветок китайцев в древности» [Гумилев, 2004, с. 83]. Рассмотрим три слова:

лань, сюйбу и хуянь, которыми обозначались знатные хуннские роды.

«Лань – китайское слово орхидея», – пишет Л.Н. Гумилев, тем самым, он хотел бы увидеть китайский след в истории происхождения хунну: «от Шун-Вэя идут Лань ...» [Там же]. Это маловероятно. Из исторического пояснения, которое дает Н.Я. Бичурин известно: «Цзе-кхой, последний государь из сей династии (*хя – династия китайских царей – курсив наш А.С.*), умер в ссылке в **1764 г. до Р.Х.** Сын его Шунь-вэй в том же году со всем своим семейством и подданными ушел в Северные степи, и принял образ кочевой жизни. Китайская история полагает сего князя праотцом владетельных монгольских Домов» [Бичурин, т.1, 1950, с. 40].

Шунь-вэй жил за 1300 лет до появления хунну, первое упоминание о которых датируется китайскими династийными хрониками в IV в. н.э. [Там же. С. 45]. За это время роды перемешивались, исчезали и появлялись новые, вряд ли могло за 13 веков в среде кочевников сохраниться, китайские родовые названия. Ни одного монгольского или тюркского рода с китайским названием в исторической литературе не встречается.

Лань вероятнее всего монголоязычное слово – *лан* = денежная единица, мера веса, от *лантайх* = *лантгар* = *грузный, тяжелый, тучный* [Лувсандэндэв, 1957, с. 229]. Известно, что у скотоводов был очень подвижный и ликвидный товар, постоянно требующий обмена. При обмене необходима мера веса, которая в условиях кочевого быта определялась на «глазок» тучностью и упитанностью скота. Род лань, возможно, проживал на границе степи и земледельческих районов, где постоянно происходил обмен.

Сюйбу, пишет Л.Н. Гумилев тюркское слово – «край». Л.Н. Гумилев ошибается, «край» – по-тюркски (киргизский вариант): «арка», «арканды», «аркасы», по-турецки – «кенар», явно заимствованное слово, по-хакасски – «край» = «пазы, азагы, хыри, чир» [Чанков, 1961, с. 334].

Сюйбу, вероятно, имеет одно происхождение с современным монгольским словом «*сүлбээ*» = «*родственные связи*» [Лувсандэндэв, 1957, с. 368], отсюда «*сүй* = *калым*» [Там же]. Вероятность резко увеличивается, если учесть, что роды Хуянь и Сюйбу посто-

янно вступали в родственные связи. Читаем у Н.Я. Бичурина: «Хуянь и Сюйбу всегда были **в брачном родстве** с Шаньюем. Сюйбу имел должность государственного судьи. П.И. Обычай брат для Хана девиц постоянно из одних домов сохраняем был и в Чингис-хановом доме П.И.» [Там же. С. 49].

Л.Н. Гумилев переводит слово хуянь как «заяц». По-тюркски, действительно, очень похожее слово *заяц=коен* (киргизский вариант), по-хакасски «*заяц*» = «*хозан*» [Лувсандэндэв, 1957, с. 271]. Быть тотемом знатного рода, это пугливое, вечно боящееся, иногда собственной тени животное, вряд ли могло. На тотем рода, из которого были правители хунну – шаньюи, заяц не подходит.

А вот А.Н. Бернштам имел совсем другое мнение в отношении слова хуянь. Прочитываем его, подробнее и пространно: «Самым знатным родом был род Хуянь. К этому роду принадлежал Учжулю жоди, если признать наши выводы о том, что шестой Ноинулинский курган является его могилой. Очевидно, тотемом этого рода был бык, который изображен в эмблемах – гербах шаньюя – серебряных бляхах. Каково же соотношение между изображением тотема-герба (если это действительно эмблема-герб, восходящий к тотему Учжулю жоди) и именем знатного рода «Хуянь»? Или последнее имя и не имеет отношения к находкам в шестом кургане? Для выяснения этого вопроса необходимо обратиться к анализу термина «Хуянь». Во всех источниках, где встречается это имя, как мы уже выше отметили, оно передано одними и теми же иероглифами.

Уже само произношение этого имени на основе пекинского диалекта доказывало, что иероглифы можно читать *Хуяр*, а наличие двух гласных позволяло предполагать об утраченном интервокале. Следует учесть, что здесь идет речь о транскрипции иностранного для Китая слова из области архаичной монголо-тюркской лексики. Предположения оправдались и данными аналитической китайской фонетики.

Первый иероглиф ху звучал в древности хио и, как замечает Б. Карлгрэнн, χ – это придыхание. Второй иероглиф звучал $'i\ddot{a}n < g\ddot{a}n$. Близкие к нему формы дают произношение $k'i\ddot{a}n$. Следовательно, учитывая необходи-

мость замены конечного *n* в *r*, мы получаем древнее чтение этого имени $[\chi] uog\ddot{a}r$.

Наличие придыхания с начала слова – явление, достаточно распространенное в древних языках Центральной Азии. Напомню, что в отношении монгольских языков даже XIII – XIV вв., об этом писал П. Пелльо, аналогичное явление, очевидно, было известно и языкам Восточного Туркестана (тохарскому) и среднеазиатским. В отношении последних мы пытались это показать на примере произношения термина «усунь», запечатленного в той же китайской транскрипции в форме хюсюнь, затем закономерно перешедшего в кусан=кушан.

Любопытно, как нам указал К.К. Юдахин, у ферганских узбеков, заселяющих область древних хюсюнь, слово «бык» произносится *хюкюз*.

Следовательно, наличие χ в этом слове – придыхание, соответствующее не столько видовой языковой разновидности, сколько спирантной ветви языков; другими словами – это явление, характеризующее ранний период в развитии языка. Вряд ли кто-либо предложит рассматривать эту спирантизацию в восточнотуркестанских или среднеазиатских языках III в. до н.э. – I – III вв. н.э. как результат влияния монгольского языка.

Следовательно, основу имени шаньюйского рода составляет термин *ouger*. Нетрудно видеть, что из этой основы мы получаем:

1) генезис термина *uigur*, на чем мы остановимся несколько далее;

2) термин *üker* мнг. *бык*, являющийся фонетическим архетипом тюркского *oγuz*, т.е. тоже бык.

Следовательно, наши розыски, приведшие к утверждению, что тотемом шаньюйского рода гуннов был бык, подтвердились связью с названием «знатнейшего рода гуннов», являющегося не чем иным, как именем **Бык**» [Бернштам, 1951, с. 227-230].

Как видим, мнение А.Н. Бернштама более аргументированное, *хуянь=üker=бык*, слово общее, монголо-тюркское.

Таким образом, мы рассмотрели тринадцать слов из остатка языка хунну, в том числе 9 слов монголоязычных, 3 слова общие, монголо-тюркские, 1 слово, вероятно, монголоязычное – *цзюйкюй*.

Вот уже почти три века ученые-востоковеды спорят об этнической принадлежности хунну – народа наводившего ужас на просторах Азии и Европы и вызвавшего великое переселение народов. После нашего анализа остатка языка хунну можно предположить, что хунну были монголоязычным народом.

Библиографический список

1. *Бернштам, А.Н.* Очерк истории гуннов/ А.Н. Бернштам. – Л.: ЛГУ, 1951.
2. *Бичурин, Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т./ Н.Я. Бичурин. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 3 т.
3. *Васильев, В.Н.* Об отношении китайского языка с среднеазиатским/ В.Н. Васильев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – Сентябрь. – С. 115-118.
4. *Викторова, Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры/ Л.Л. Викторова. – М.: Вост. лит-ра, 1980.
5. *Гумилев, Л.Н.* История народа хунну/ Л.Н. Гумилев. – М.: Институт Ди-дик, 2004.
6. *Лигети, Л.* Табгагский язык – диалект сяньбийского/ Л. Лигети // Народы Азии и Африки. – 1969. – №1. – С. 107-117.
7. *Лувсандэндэв, А.* Монголо-русский словарь/ А. Лувсандэндэв. – М.: ГИИНС, 1957.
8. *Панов, В.А.* К истории народов Средней Азии. Сюнь-ну (хунну). Турецкое происхождение народа Сюнь-ну (хунну) китайских летописей/ В.А. Панов. – Владивосток: Изд-во А.В. Даттана, 1916.
9. *Панов, В.А.* К истории народов Средней Азии/ В.А. Панов. – Владивосток: Изд-во А.В. Даттана, 1918.
10. *Пуллиблэнк, Дж.Э.* Зарубежная тюркология/ Дж.Э. Пуллиблэнк. – М.: Наука, 1986. – С. 29-70.
11. *Радлов, В.В.* Титулы и имена уйгурских ханов/ В.В. Радлов // Записки Восточного отделения императорского археологического общества. – СПб.: Тип-ия Имп. Акад. наукъ, 1890.
12. *Таскин, В.С.* Материалы по истории Сюнну (по Китайским источникам)/ В.С. Таскин. – М.: Наука, 1973.
13. *Таскин, В.С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III-IV вв./ В.С. Таскин. – М.: Наука, 1989.
14. *Чанков, Д.И.* Русско-хакасский словарь/ Д.И. Чанков. – М.: ГИИНС, 1961.
15. *Черемисов, К.М.* Бурятско-русский словарь/ К.М. Черемисов. – М.: ГИИНС, 1973.
16. *Юдахин, К.К.* Киргизско-русский словарь/ К.К. Юдахин. – М.: ГИИНС, 1940.
17. *Clauson, C.* Turkish and Mongolian Studies/ C. Clauson. – London, 1961.
18. *Rona-Tas.* Western Old Turkic//The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish linguistics. Turkologica, 32, Wiesbaden, 1998.
19. *Shiratori, K.* Sinologische Beiträge zur Geschichte der Turkvolker, II. Über die Sprache der Hiung-nu und der Tunghu-Statte/ K. Shiratori// Известия Академии наук. – 1902. – Т. XVII, №2.